

Е Цэ наконец решился озвучить этот вопрос. Затаив дыхание, он всматривался в лицо Ши Цзэ, ловя каждое движение его губ в ожидании ответа.

Ши Цзэ на мгновение задумался, словно воскрешая в памяти нечто важное. И пока он молчал, лицо Е Цэ неуловимо менялось. Тот не произносил ни слова, но затаенная тревога и надежда выдавали его с головой — всё отражалось в потемневшем, напряженном взгляде.

Ши Цзэ поймал этот взгляд. Собеседник сейчас до того походил на брошенного, беззащитного щенка, что у Ши Цзэ болезненно сжалось сердце. Дразнить его дальше не имело смысла.

— Да нет у меня никого на примете, — примирительно улыбнулся он. — Просто люди писали, душу вкладывали, как-то не поднимается рука выбросить. Каждое такое письмо — это чья-то робкая, искренняя надежда. Пусть я не могу ответить взаимностью, но и топтать чужие чувства не имею права. Вот и забираю их домой, складываю в коробку.

Такого ответа Е Цэ не ожидал. Впрочем, Ши Цзэ всегда отличался редким благородством и поразительной чуткостью к чужим переживаниям. Он был слишком хорош. Настолько, что Е Цэ не мог отвести от него глаз, хотя и понимал: большее ему не позволено.

Он слишком отчетливо помнил о невидимой черте, разделявшей их. Эта преграда казалась непреодолимой пропастью. Мир, в котором царил Ши Цзэ, оставался для него чужим и недостижимым. Е Цэ не смел и не пытался нарушить границы — лишь бережно хранил это хрупкое соседство, готовый в любую секунду защитить, подставить плечо, оказаться рядом по первому зову.

— А ты? — внезапно нарушил тишину лежащий рядом Ши Цзэ.

— Я? А что я? — вырванный из размышлений Е Цэ растерянно моргнул.

— Ну, признавайся, за тобой девчонки бегали? Было такое, что... — Ши Цзэ запнулся. Он постарался спросить как можно небрежнее, чтобы не выдать своего волнения, но сердце в этот момент предательски забило чаще. —...что ты с кем-то встречался?

В горле у него пересохло.

Насколько Ши Цзэ помнил — и по прошлой жизни, и по нынешней, — Е Цэ пользовался в школе бешеной популярностью. Дурная слава отпетого хулигана меркла перед его броской, притягательной красотой, так что девчонки то и дело тайком подбрасывали ему в парту любовные записки. Но вот ответил ли он хоть раз кому-то взаимностью? Была ли у него девушка?

Ши Цзэ опустил ресницы, скрывая вспыхнувшее в глазах беспокойство.

— Нет, — Е Цэ посмотрел прямо на него. В его чистом, открытом взгляде не было ни капли лукавства. — Ши Цзэ, я никогда ни с кем не встречался, — твердо добавил он, словно давал нерушимую клятву.

Ши Цзэ поспешно отвел взгляд, не в силах выносить эту щемящую честность. Е Цэ был слишком искренен — настолько, что земля уходила из-под ног. Хотелось поддаться этому притяжению, довериться, но внутри тут же поднимал голову липкий страх: страх выдать свои чувства раньше времени и обнаружить, что для Е Цэ всё это — лишь крепкая дружба, а его собственные надежды — не более чем глупая, сладкая иллюзия.

Оборвав опасные мысли, Ши Цзэ попытался перевести всё в шутку:

— Да ладно тебе! С такой-то внешностью и ни разу не влюбиться? Не верю.

— Наверное, я просто не вышел характером, — усмехнулся Е Цэ. — От меня все шарахаются, как мыши от кота.

Ши Цзэ не удержался от смешка:

— А я думал, с твоим характером ты девочек как перчатки меняешь.

— Мне это просто не нужно было, — покачал головой Е Цэ. Но тут же спохватился, сообразив, как двусмысленно прозвучали его слова. Посмотрев на Ши Цзэ, он торопливо добавил: — Ну, в смысле... подходящего человека не встретил. Да и не умею я притворяться — не смог бы встречаться с кем-то просто так, без искренней симпатии.

И это было чистой правдой. В средних классах, когда он только-только перебрался в Наньчэн, его положение оставалось крайне шатким. Столичные не спускали с него глаз, и приходилось тратить все силы на то, чтобы водить за нос ищеек. Он сознательно лез на рожон, ввязывался в неприятности, создавая иллюзию бунтаря-одиночки, не способного угрожать чьим-то интересам в столице. В те дни, когда за каждым твоим шагом следили чужие люди, у него была лишь одна цель — уцелеть. Какая уж тут романтика?

К старшим классам он наконец прочно обосновался в Наньчэне. В столице ослабили хватку, шпионов поубавилось, хотя время от времени кто-то всё ещё пытался выведать обстановку. Впрочем, теперь Е Цэ на них попросту плевал.

Жизнь вошла в мирное русло, и связывать себя какими-то обязательствами не хотелось. Он планировал просто наслаждаться беззаботными школьными годами, как вдруг в его унылые, серые будни ворвался Ши Цзэ. Юноша появился подобно первому весеннему солнцу в холодном, замерзшем мире, заставив Е Цэ замереть в изумлении. А когда тот опомнился, то понял, что все его мысли теперь безраздельно принадлежат только Ши Цзэ.

Ши Цзэ стал для него спасительным теплом посреди ледяной пустыни. Е Цэ отчаянно тянулся к нему, втайне мечтая эгоистично присвоить этот свет себе. Но он никогда не терял рассудка и прекрасно понимал: это солнце заглянуло к нему лишь на миг. Оно случайно коснулось его темного мира и рано или поздно скроется за горизонтом, ведь чистому, теплomu свету не место рядом с тем, кто погряз в уличной грязи.

Словно утомленный тяжестью собственных мыслей, Е Цэ медленно прикрыл глаза, стараясь спрятать глубоко внутри ту нежность и любовь, в которых никогда бы не осмелился признаться.

Ши Цзэ заметил эту внезапную тишину. Решив, что задел собеседника за живое расспросами об одиночестве, он поспешил исправить неловкость. В голове всплыл разговор одноклассниц, который он случайно подслушал в самый первый день учебы.

— Может, ты просто кажешься слишком грозным? — мягко спросил он. — Мне показалось, большинство девочек в школе тебя до смерти боятся.

Вторую половину фразы Е Цэ пропустил мимо ушей, зато первая застряла у него в голове. Он открыл глаза и пристально посмотрел на Ши Цзэ. В его взгляде промелькнула смутная тревога:

— Ши Цзэ, ты тоже считаешь меня жутким?

Ши Цзэ лишь мысленно вздохнул — и как только в этой голове рождаются подобные выводы?

— Я же говорю про девочек, — терпеливо разъяснил он. — Это они видят в тебе грозного хулигана и потому обходят десятой дорогой.

Е Цэ заметно расслабился, точно с плеч у него свалилась тяжелая гора.

— Какое мне дело до их мнения? Мне важно только то, что думаешь...

Обстановка была слишком расслабляющей, и он едва не выболтал то, что таил на самом дне души. К счастью, в самый последний момент здравый смысл взял верх над чувствами, и он вовремя прикусил язык. Иначе...

Е Цэ украдкой взглянул на Ши Цзэ. К счастью, тот ничего не заметил и не стал расспрашивать дальше. Иначе пришлось бы судорожно выдумывать очередное нелепое оправдание.

— А ведь в школе болтают, будто ты когда-то до слез обругал признавшуюся тебе девушку, — вдруг вспомнил Ши Цзэ один из самых живучих слухов.

В средней школе все только об этом и говорили, но никто не знал правды. И раз уж предполагаемый виновник лежал прямо перед ним, грех было не прояснить этот вопрос.

— Какую еще девушку?.. — Е Цэ искренне недоумевал. Было очевидно, что он напрочь забыл об этом инциденте.

— Ну ту, из средней школы. Рассказывали, она перехватила тебя на школьной аллее, чтобы признаться в чувствах, а ты наорал на неё так, что она убежала в слезах.

После этих подробностей в памяти Е Цэ наконец всплыл смутный силуэт:

— А, так ты про нее... Да это же чистой воды недоразумение! — простонал он, в очередной раз убеждаясь, какой разрушительной силой обладают школьные сплетни. Он сокрушенно вздохнул и принялся оправдываться: — Я тогда безумно спешил по важному делу. Вдруг эта девчонка выскакивает прямо предо мной — я аж вздрогнул от неожиданности. И прежде чем я успел хоть слово сказать, она сует мне в руки конверт. По ее лицу и так всё было понятно. Но времени у меня не было совсем, поэтому, не дожидаясь, пока она начнет говорить, я сразу сказал, что мне это неинтересно, и пошел дальше.

Е Цэ говорил быстро, взволнованно, то и дело заглядывая Ши Цзэ в лицо и пытаясь угадать его реакцию. Не дождавшись немедленного ответа, он совсем тихо, виновато добавил:

— Честное слово, всё так и было. Я не вру.

Ему всегда было плевать, что о нем шепчутся за спиной посторонние, но мысль о том, что Ши Цзэ может поверить в эту грязь и счесть его жестоким, причиняла почти физическую боль.

— Да верю я тебе, верю, — улыбнулся Ши Цзэ. — Но что конкретно ты ей сказал, раз по школе поползли такие жуткие слухи?

— Ну... она протянула мне конверт, а я, даже не став слушать, просто отрезал: «Не надо». И пошел дальше. А она расплакалась и убежала. Кто-то из ребят это увидел, и к вечеру вся школа гудела о том, как я зверски обругал несчастную на глазах у всех.

Е Цэ недовольно поморщился. Из-за этих глупых выдумок его тогда даже вызвали на ковер к классному руководителю и устроили долгую, изнурительную головомойку.

— Да уж, на чужой роток не накинешь платок, — вздохнул Ши Цзэ. — Сплетни всегда живут своей жизнью... Совсем как та история с нашим поцелуем.

Договорив, он внезапно замер, сообразив, какую двусмысленность только что сморозил.

— Я не в том смысле, что мы целовались! — Ши Цзэ густо покраснел и зачастил, отчаянно жестикулируя. — Я про те слухи... Ну, когда ты мне рану обрабатывал, а все решили, что мы... Нет! Я имею в виду ту глупость, будто я уселся к тебе на колени и поцеловал тебя! То есть... О боже, просто забудь. Сделай вид, что я молчал.

Обычно собранный и рассудительный, Ши Цзэ в присутствии Е Цэ терял всякую способность связно мыслить. Пытаясь исправить оговорку, он лишь глубже загонял себя в ловушку, чувствуя, как горит лицо.

Е Цэ сначала удивленно приподнял брови, но, глядя на то, как отчаянно и мило путается в словах Ши Цзэ, не выдержал. Из его груди вырвался тихий, искренний смешок.

Впрочем, он тут же понял, что совершил тактическую ошибку. Подняв глаза, Е Цэ натолкнулся на взгляд друга и замер. В глубине этих невероятно красивых глаз задрожали влажные искорки — то ли от жгучей обиды, то ли от злости, а аккуратные ушки полыхнули пунцовым цветом.

Ши Цзэ всегда отличался ранимостью. Когда те дурацкие слухи только поползли по школе, он и без того едва справлялся со смущением, а тут еще и Е Цэ беспардонно рассмеялся ему в лицо. Разумеется, парень не на шутку обиделся и разозлился.

Е Цэ мысленно обругал себя за несдержанность. Как можно было так глупо задеть его? Пытаясь загладить вину, он мягко придвинулся ближе, осторожно привлек Ши Цзэ к себе и крепко, надежно обнял, бережно поглаживая по мягким волосам.

— Ну всё, всё, прости меня, — тихо прошептал он в макушку. — Больше не буду смеяться, только не сердись.

Ши Цзэ собирался было высказать всё, что думает об этом несносном человеке, но от внезапного, теплого объятия все гневные слова мигом вылетели из головы. Он так и застыл — растерянный, присмиревший, послушно уткнувшись Е Цэ в грудь и боясь сделать даже вдох.

<http://bllate.org/book/20657/2162165>